

ГРИГОРІЙ СКОВОРОДА

Український Філософ

[И. Срезневский].

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

0

СТАРЦЪ ГРИГОРІЙ СКОВОРОДЪ.

Pro sua cuique parte.

Cicero.

Григорій Скворода ¹⁷²² родился 1726 года
умеръ 1794 года. Жилъ 68 лѣтъ.

«Судьба захопѣла бытъ Сквородъ мачихой.» — Такъ выразился однажды одинъ изъ безприсрасныхъ почипашелей памяти сего необыкновеннаго чловѣка, философа или богумудра, какъ называли его сограждане, шарца, какъ называлъ онъ самъ себя.

Назначивъ ему, еще девятилѣтнему орроку, жестокій удѣлъ сиротства, она сдѣлала его съ эпой ранней поры жалкою игрушкой случая, и съ эпой ранней поры, поспавивъ его на поприще самыхъ суровыхъ, самыхъ горькихъ испытаній, заставила его

приучаешься сносить равнодушно всё неприятное и угнетение, и наконец взлелыла в немъ по хладнокровіе наблюдателя, шу независимость въ образѣ мыслей, шу странную причудливость въ образѣ поступковъ, наконецъ шу постоянную охоту учиться познанию свѣта, странствуя, и вѣчно учишься и вѣчно странствовать, кои въ послѣдствіи времени образовали его характеръ, можетъ быть, совершенно противно его сложенію, его природнымъ склонностямъ.

Сквозерода ошъ природы былъ добръ, имѣлъ сердце чувствительное, слѣдственно и сопредательное, и склонное къ любви и дружбѣ; но, росшій и выросшій сиротою, онъ долженъ былъ привыкнуть по неволѣ къ такому состоянію одиночества, — и сердце его должно было притупиться съ низкими чувствами, подпавъ подъ иго меланхоліи, и загрубъшь, а недовѣрчивость, воскормленная опытами, погасила въ немъ и послѣднюю искру чувствительности, — и судьба наконецъ взяла свое — съ лѣтами созрѣло въ немъ это ледяное чувство отчужденія ошъ людей и свѣта, чувство единственное, какое могло питать оно. И могло ли быть иначе? Тотъ только можетъ родниться съ другимъ своими чувствами, чье сердце съ дѣтства привыкло любить родственною любовью, дышать и дѣлаться родственнымъ доверіемъ.

Умъ Сквороды шель пою же дорогой: сначала бодрый, игривый, онъ мало по малу тяжель, дѣлался своенравнѣе, независимѣе, дичалъ все болѣе, и наконецъ погрузился въ мрачную бездну миспицизма. Припомъ вспомнимъ время, когда жилъ Скворода: миспики или квіениспы разыгривались погда повсюду въ Германіи, — Скворода побывалъ въ эпои шпранѣ, и навсегда сохранилъ предпоченіе къ ней предъ всѣми прочими, исключая родины своей. — Легко понять, опъ чего Скворода заслуживалъ часто имя чудака, если даже и не юродиваго. Съ сердцемъ охладѣлымъ, съ умомъ, подавленнымъ миспицизмомъ, вѣчно пасмурный, вѣчно одинокій, своеобразный, себялюбивый, гордый—признакъ необходимый ума стропшиваго, — въ проспомъ крестьянскомъ плашь, съ причудами, — Скворода могъ по справедливости заслужить эпо названіе. Онъ жилъ самъ собою, — эпо всякому покажется чуднымъ.

Скворода жилъ самъ собою, удаляясь всегда опъ людей какъ опъ ближнихъ, зная и изучая ихъ, какъ изучаетъ Еспешвоиспытатель хищныхъ звѣрей; эпо правда; но пѣмъ не менше онъ желалъ блага чловѣчеству. Онъ убѣгалъ людей не потому, что презиралъ ихъ, а можеть быть, потому, что боялся. — Эпо видно изъ всѣхъ его

сочиненій, содержащихъ въ себѣ впрочемъ не
однѣ только нравоученія, но часто и жес-
почайшія сапиры на пороки — и чаще по-
слѣднія. Эпошъ духъ сапиризма — самая ра-
зительная черта его характера. Онъ вездѣ
находилъ, или лучше сказать, вездѣ спарал-
ся найдти худую сторону, — и эпо самое
всегда унижало его благородное спремленіе
къ пользѣ общей. Но — человекъ неволенъ
самъ въ себѣ. И его добродѣтели, и его по-
роки, и спранныости, и образъ мыслей, все
въ немъ часто зависить отъ обстоятельствъ,
все въ немъ такъ шакко, такъ переходчиво!
Обстоятельствъ.... надобно имѣть слишкомъ
твердый, слишкомъ самоспостельный духъ,
чтобъ быть въ состояніи прошивустоять
ихъ власни. Могъ ли Сковорода мыслить
иначе, нежели какъ онъ мыслилъ, или инымъ
взглядомъ смотрѣть на все, его окружаю-
щее! Его жизнь — вопшь гдѣ должно искасть
основанія всей его философіи, его холодного
миспицизма, любившаго ушѣшаться ирони-
ческими взглядами на самое возвышенное въ
природѣ человѣческой; жизнь — сѣвленіе бѣд-
ствій и угнѣшеній. И Руссо винилъ человѣ-
чество, и Руссо глядѣлъ на него такими же
глазами. Причины были иѣ же. Вспшь что
говорилъ Сковорода самъ о своей жизни: —
«Что жизнь? То сонъ Турка, упоеннаго
опіумомъ, сонъ спрашный, — и голова

болѣе опъ него , и сердце спынеть ! Чшо жизнь ! То спранспвѣе . Прокладываю себѣ дорогу , не зная , куда идиши , зачѣмъ идиши , — и всегда блуждаю между песчаными степями , колючими кустарниками , горными ушесами , а буря надъ головою , и негдѣ укрышья опъ неа . Но бодрспвуй ! не предавайся опчаянію . Оно смершннй грѣхъ.» — И Скворода дѣйспвншельно провель всю жизнь свою , какъ спранспвѣе , — какъ будпо осуцеспвляя мечшу своего воображенія , а лучшіе годы своей жизни рѣшншельно пушеспвствоваль , исходиль всю Германію , Венгрію , Италію , Грецію , Россію , и возвратнлся на родину , чшо бы снова блуждашь по оной . Даже въ спароспн своей , онъ не могъ надолго успоконшься на одномъ мѣспѣ .

Первое изъ его нравоучншельныхъ сочиненій было : *Нагальная дверь ко Хрнстіанскому добронравію* . Скворода шога только чшо возвратнлся изъ-за границы . Будучн проникнушь новымъ ученіемъ , онъ желаль распроспранншь его и на своей родинѣ . Бѣдннй спранннкъ , въ рубнщѣ , являешя онъ въ Харьковѣ , и опредѣляешя Учншелемъ въ Коллегіумѣ . Скоро распроспраннлась молва о его ученоспн и краснорѣчнн . Ему препоручнли преподаваніе Богословія . Въ предварншельной проповѣди онъ высказаль нѣкошо-

рые мысли свои, — и напугалъ непроевѣщен-
ныхъ своихъ поварицей. И въ самомъ дѣлѣ,
могли ли они не быть поражены такимъ
громкимъ вспуленіемъ. Выписываю оное сло-
во въ слово: — «Убуждешся, видѣша славу
Его! Весь міръ спишь: да еще не шакъ
спишь, како сказано, аще упадешь—не раз-
бѣешся.... спишь глубоко, пропянувшись,
будно ушибень опъ нея. А наставники, па-
суція Израиля, не только не пробуживають,
но еще поглаживають, глаголюще: спи, не-
бойсь, мѣсно хорошее, чего опасаться!
Мирь! — И нѣсть мира!» —

Воленіе было гошово; но эпо было поль-
ко начало, и скоро все зашихло.— Сковорода
началь свои уроки, написалъ вышепомянутое
сочиненіе, какъ сокращеніе оныхъ, опдалъ
рукопись, — и тогда-шо буря возспала на
него всею силой. Рукопись пошла по рукамъ.
Духовенство съ жадностію читало ее; но
какъ нѣкоторые въ ней мѣсна найдены со-
мнипельными: шо Сковороду осудили на оп-
рѣшеніе опъ должности. Конечно, въ семь
случаѣ дѣйствовала болѣе зависть, но какъ
бы шо ни было, невѣжество было для нее
очень доспащочною подпорой, и оно-шо все-
го болѣе оскорбило Сковороду. Назвачены
были диспушы. Сочиненіе разобрано на нихъ
съ самой дурной стороны, все использовано
въ смыслѣ превращномъ; Сковороду обвинили

въ такихъ мысляхъ, какихъ онъ и имѣть не могъ. Сковорода опровергаль своихъ противниковъ умно, краснорѣчиво; всѣ шайно восхищались его краснорѣчіемъ, но рѣшеніе оспадось прежнее. Сковорода принужденъ былъ удалиться изъ Харькова.

Въ краткихъ словахъ я раскажу содержаніе сего сочиненія, споль дорого спойвшаго сочинителя. — Оно состоить изъ Предверія и десяти Главъ. Въ Предверіи говорится о различіи между духомъ и шѣломъ, Богомъ и міромъ. Главная мысль, выраженная въ ономъ, есть: — Нѣтъ ничего нужнѣе, какъ счастье, и нѣтъ ничего легче, какъ достигнуть онаго: счастье въ сердцѣ, сердце въ любви, любовь въ законѣ Вѣчнаго. — Заключение: — Желаю, дабы душа швоя, какъ Ноева голубица, необрѣвши нигдѣ покоя, возвратилась къ сердцу швоему, къ Тому, кто почиваетъ въ сердцѣ швоемъ, дабы сбилось оное Исаино: будущъ основанія Твои вѣчная родомъ родовъ и прозовешися здашель оградъ, и спези швои посреди упокоили, — сего желаетъ шель Григорій, сынъ Савы Сковороды. — Глава 1. О Мірѣ видимомъ и невидимомъ, о Богѣ. — Глава 2. О вѣрѣ всеобщей. — Глава 3. О всеобщемъ промыслѣ. — Глава 4. О промыслѣ надъ человекомъ. — Глава 5. Заповѣди. — Глава 6. Объ истинной вѣрѣ. Вѣра, Надежда и Любовь. — Глава 7. Выписываю оную

всю сокращенно: — Вся сила заповѣдей заключается въ одномъ словѣ — Любовь. Она — огонь, воспламеняющій сердце волею Божіей, и пошому сама — Богъ. Она имѣетъ свои внѣшніе виды, обряды, кои суть по же, что у плодовъ лисны. Но если въ человекѣ она соединитъ только изъ внѣшнихъ обрядовъ, тогда опасается одинъ обманъ лицемерія, и человекъ становится раскрашеннымъ гробомъ, гдѣ или ничего, или прахъ мертваго. Обрядъ же — все то, что можешь исполнить и самый несчастный бездѣльникъ. — Глава 8. Законъ Божій и преданіе. — Глава 9. О спрасняхъ и порокахъ. — Глава 10. О чистосердечіи, какъ основаніи любви, и слѣдовательно Вѣры.

Это сочиненіе и нѣсколько проповѣдей положили основаніе славы и уваженію, коими пользовался Сковорода вездѣ, гдѣ его знали. Спрогая добродѣтель и примѣрныя правила еще болѣе увеличили оныя. Впрочемъ Сковорода не искалъ ни славы, ни уваженія. Я уже сказалъ, что онъ жилъ самъ собою, и никогда не заботился ни о похвалѣ, ни о порицаніи. Если онъ былъ оскорбленъ сужденіемъ о своемъ сочиненіи, то пошому, что здѣсь спрдало его себялюбіе: онъ не могъ равнодушно сносить, чтобы унижали его умъ, его мысли; но ошнюдь не честолюбіе; по

не чинъ самъ
не чинъ самъ
не чинъ самъ

крайней мѣрѣ, сіе послѣднее въ немъ никогда не выказывалось. Замѣчу : онъ любилъ иногда похвастаться своими познаніями, особенно въ языкахъ ; кромѣ Славянскаго церковнаго, Русскаго и Украинскаго, онъ зналъ Нѣмецкій, Греческій и Латынскій, и на всѣхъ прекрасно говорилъ и писалъ. Уваженіе къ Сквородѣ проспиралось до того, что почитали за особенное благословеніе Божіе дому тому, въ которомъ поселялся онъ хоть на нѣсколько дней. Здѣсь кшаши сказашъ о его безкорыстіи. Онъ могъ бы соспавить себѣ подарками порядочное соспоаніе; но что ему ни предлагали, сколько ни просили, онъ всегда отказывался, говоря ; дайше неимущему, и самъ довольствовался только сѣрою свиной, которая была обыкновенною его одеждою. Эша сѣрая свинья, чтобы прозапасъ, и нѣсколько свишковъ сочиненій, — вошъ въ чемъ соспоало все его имущество. Задумавши спранспивовать или переселиться въ другой домъ, онъ складывалъ въ мѣшокъ эшу жалкую свою худобу, и перекинувши его черезъ плечо, отпраплялся въ пушь съ двумя своими неразлучными спутниками : палкой-журавлемъ и флейпой. И то и другое было собшвеннаго его рукодѣля.

Мнѣ кажется очень спраннымъ, какъ Скворода миспикъ и шакой холодный, пасмур-

ный миссикъ, могъ любить музыку, — и между нѣмъ музыка была его единственнѣмъ удвольствіемъ. Или это привычка дѣлать? — Онъ началъ свое музыкальное поприще еще въ домѣ отца своего — *сопилкою*. Тамъ, одѣвшись въ юфтовое платье, онъ отправлялся съ раннего утра въ рощу или на берегъ рѣчки, и наигрывалъ на ней, какъ говорилъ народъ, священные гимны. Мало по малу усовершенствовалъ онъ инструментъ свой до того, что могъ на немъ передавать переливы голоса птицъ пѣвучихъ, — эти поднебесные спранники были первыми его учителями искусства мусикійскаго. Въ послѣдствіи, когда былъ опредѣленъ ученикомъ въ Кіевскую Семинарію, тамъ замѣтили его прекрасный звучный голосъ, замѣтили его умѣнье управлять имъ и знаніе музыки, взяли его въ пѣвческую, и онъ скоро сдѣлалъ столь удивительные успѣхи, что былъ потребованъ къ Двору Императрицы Елисаветы, гдѣ находился около двухъ лѣтъ. Находясь тамъ, онъ сложилъ песню для духовной пѣсни: *Иже Херувими*, которая и доселѣ употребляется во многихъ сельскихъ церквяхъ на Украинѣ (*). Съ нѣхъ поръ музыка и пѣвче

(*) Напѣвъ сей духовной пѣсни подъ именемъ: *придворнаго*, помѣщенъ въ сбѣднѣ, по Высочайшему повелѣнію, напечатанной и разосланной по всѣмъ церквямъ для

содѣлались поспояннымъ занятіемъ Сквороды. Онъ не оспалялъ ихъ и въ спароспи. За нѣсколько лѣтъ до своей смерти, живучи въ Харьковѣ, онъ любилъ посѣщать домъ одного спаричка, гдѣ собирались бесѣды добрыхъ, просподушныхъ спариковъ, подобныхъ хозяину. Бывали вечера и музыкальные, и Скворода занималъ въ такихъ случаяхъ всегда первое мѣсто, пѣлъ ргішо, и за слабостію голоса, выпягивалъ прудные Solo на своей флейтѣ — такъ называлъ Скворода *сопилку*, имъ усовершенствованную. Впрочемъ Скворода игралъ и пѣлъ, всегда наблюдая свою важность, задумчивость и сурезность. Флейта была, какъ я уже сказалъ, неразлучною спутницей Сквороды, — и переходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, по дорогѣ онъ всегда или пѣлъ или, вынувъ изъ-за пояса любимицу свою, наигрывалъ на ней свои печальные фанпазіи и симфоніи.

Рѣдко, очень рѣдко Скворода измѣнялъ своей важности, а если и измѣнялъ, то въ

единообразіи въ Церковномъ гѣніи. Кромѣ сего, Скворода сложилъ веселый и шоржешвенный напѣвъ: *Христосъ Воскресе*, и Канона Пасхи: *Воскресенія день* и проч., вылъ употребляемый въ церквахъ по всей Россіи, вмѣсто прежняго увялаго, ирмолейнаго напѣва, и вездѣ именуемый: *Сквородинъ*. Примѣч. Г. О. К — и.

шакихъ только случаяжъ, когда дѣйствительно было трудно сохранить оную. Суровый спарець, онъ былъ однако засѣщчивъ, и не могъ перпѣшь, когда предъ нимъ величали его достоинства. Онъ спановился самъ не свой; онъ шерялся, когда предъ нимъ внезапно являлся кто нибудь изъ давно-желавшихъ видѣшь его и разливался въ привѣщивяхъ. Такъ случилось однажды въ домѣ Пискуновскаго, спарика, любимаго Сквородою. Это было вечеромъ, во время ихъ обыкновенной спариковской бесѣды. Молча, съ глубочайшимъ вниманіемъ слушали спарики рассказы и нравоученія спарца, которьй, выпивши на эпошъ разъ лишнюю чарку вина, среди розыгра своего воображенія, говорилъ хопя и медленно и важно, но съ необыкновеннымъ жаромъ и краснорѣчіемъ. Пршелъ часъ, и другой, и ничто не мѣшало воспергу раскасчика и слушателей. Скворода началъ говорить о своемъ сочиненіи: *Лотова жена*, сочиненіи, въ коемъ изложилъ онъ главныя основанія своей миспической философіи. Къ сожалѣнію, не могу предспавить вамъ ни одного опривка изъ онаго, ибо не имѣю шеперь его подъ руками. Скворода расказалъ уже очеркъ; начинающся подробности; — вдругъ дверь съ шумомъ разшворяется, половники хлопающъ, — и молодой Х — ь, франшъ, не давно изъ споллицы,

вбѣгаетъ въ комнапу. Скворода при появ-
 леніи сего новаго незнакомаго и споль ему
 чуждаго лица, умолкъ внезапно, будшо оглу-
 шенный ударомъ грома. — «И шакъ, воскли-
 цаешъ X — ь: я наконецъ доспигъ шого сча-
 стія, кошораго споль долго и напрасно жаж-
 даль. Я вижу наконецъ великаго соопече-
 спвенника моего, Г. С. Сквороду! Позволь-
 ше....» — и подходишь къ Сквородѣ. Сша-
 рець нашъ вскакиваетъ, сами собою скла-
 дывающя крешомъ на груди его коспля-
 выя руки; горькой улыбкой искривляется
 пощее лице его; черные впалые глаза скры-
 вающя за сѣдыми нависшими бровями, самъ
 онъ невольню изгибаешя, будшо желая по-
 клониться, и вдругъ прыжокъ, и пренеш-
 нымъ голосомъ: «Позвольше!... То-же поз-
 вольше!» и изчезъ изъ комнапы. Хозяинъ
 за нимъ, просишь, умоляетъ — нѣшь! —
 «Съ меня смѣюся,» — говоришь Скворо-
 да, — и убѣжалъ. И съ шѣхъ поръ не хо-
 шѣлъ видѣшь X — а. — Свиданіе Сквороды
 съ Вернешомъ, другимъ чудакомъ Украины,
 было инаково; но эшо пошому, чшо Скво-
 рода былъ насльшанъ о Вернешѣ, какъ о
 человекѣ добромъ и просшодушномъ. Скво-
 рода ожидалъ увидѣшь въ немъ чшо нибудъ
 похожее на себя, шолько молодое, и ошибаясь,
 не могъ смолчашъ, и назвалъ Вернеша *жен-*
скилѣ башмаколѣ. Вошь на чѣмъ основы-

ваеяся и несправедливоспъ сужденій сего послѣдняго о Сквородѣ. У всякаго естъ свое самолюбіе, своя леспъ.

Говоря о бесѣдахъ, гдѣ проводилъ время Скворода, не могу умолчать о порокѣ, въ коемъ его порицающъ совершенно безъ всякаго основанія. Скворода былъ пьяница! Вопь что говоришь клевета, и, въ подтвержденіе словъ своихъ, избобрѣшаешь и печашаешь письмо, будпо имъ писанное, восклицая: «боченочки, боченочки!» — По сказанію всѣхъ, знавшихъ лично Сквороду, онъ почти вовсе не употреблялъ горячихъ напитковъ, да едва ли кто и говорилъ когда этому прошивное, исключая Издашелей Украинскаго Вѣспника (*). Скворода вообще опличался особенною умѣренносію какъ въ

(*) Никто, даже изъ завистниковъ его, никогда не говорилъ, что Скворода былъ пьяница, и Издашели Украинскаго Вѣспника не утверждали сего, а при случаѣ указали на прошиворѣчіе. Написавшій спашью о Сквородѣ помещенную въ томъ Журнелѣ, приложилъ письма его къ Урюшчу, въ коихъ Скворода, благодаря за приславные *ботеноски*, осушивъ ихъ, возвращаешь и просить о наподневѣи и присылѣ снова; потомъ чрезъ нѣсколько страницъ утверждаетъ, что онъ не употреблялъ горячихъ напитковъ, по при семъ случаѣ Издашели У. В. напоминали только о содержаніи предшествовавшихъ писемъ выраженіемъ: „А боченочки, боченочки?“ —

лицъ, такъ и въ пиши. Онъ былъ настоя-
щій поетникъ. Приномъ, еслибъ онъ имѣлъ
порокъ, въ коемъ его обвиняюшь, по за-
служиль-ли бы онъ въ народъ тако безпре-
дѣльное уваженіе, которое сохранилось и до-
сель. Народъ чшишь памяшь добродѣтельного
старца, даже почитаешъ его за челоуѣка
просвѣщеннаго духомъ Божиимъ.

Кшо изъ Украинцовъ не знаешъ, по край-
ней мѣрѣ, не слыхаль о *слѣпцяхъ*, т. е.
пѣхъ нищихъ слѣпыхъ, кои, въ сопровож-
деніи малюпокъ, родныхъ или наемныхъ, хо-
дящъ изъ двора во дворъ и подъ окнами
напѣваюшь священныя пѣсни? Это Украин-
скіе рапсодиспы. Большая частъ пѣсней, кои
поюшя ими, сущъ сочиненія Сквороды. *мш*
Народъ называешъ пѣсни сія *Псалмами*.
Думаю, что угрожу любопытству нѣкошо-

Впрочемъ и самъ Г. С., написавшій сію спашью о Ско-
вородѣ, въ семъ мѣстѣ прошиворѣчишь сказанному имъ
выше, что *Скворода, выпивши на этотъ разъ лишнюю
рюмку вина* и проч. Слѣдовашельно, хошя Скворода и не
былъ пьяница, но не былъ и врагъ существовавшему въ
его время здѣсь обыкновенію: въ дружескихъ и пріятель-
скихъ собраніяхъ, поддерживашъ и одушевляшъ бесѣды
упошребленіемъ — не вина, кошораго въ шо время здѣсь,
кромѣ Крымскихъ и Волошскихъ и слыхомъ не было
слышно, а — разнаго рода наливокъ въ домахъ пріятель-
скихъ.

Примѣч. Г. Θ. К — и.

рыхъ , переписавши здѣсь одинъ изъ сихъ Псалмовъ , которъ болѣе другихъ любимъ народомъ , и чаще другихъ поется *слѣпцами*. Выписываю подлинникъ изъ собранія сочиненій Сковороды.

I.

Всякому городу правъ и права ;
 Всяка имѣешь свой умъ голова ;
 Всякому сердцу своя естъ любовь ;
 Всякому люду свой вкусъ хоть каковъ .

А мнѣ одна только въ свѣтъ дума ,
 А мнѣ одно только неидеть съ ума ,
 Какъ бы умерши мнѣ не безъ ума .

II.

Петръ для чиновъ углы паньскіи прешъ ;
 Федька купецъ при аршинѣ все лжешъ ;
 Тотъ спрощишь домъ свой на новый манеръ ;
 Тотъ все въ проценшахъ : пожалуй повѣрь .

А мнѣ — и проч .

III.

Тотъ непрестанно спяжаетъ груиша ,
 Сей иностранны заводитъ скота ,
 Тѣ формируютъ на ловлю собакъ ,
 Сихъ шумитъ домъ ошь госшей , какъ кабакъ .

А мнѣ — и проч .

IV.

Спроуюшь на свой шонъ Юриспа права;
 Съ диспушь Спудента шерщить голова;
 Тѣхъ беспокоишь Венеринъ Амуръ;
 Всякую голову мучишь свой дуръ.

А мнѣ — и проч. и — и мнѣ А

V.

Смерти спрашна замашная коса!
 Ты не щадишь и Царска волоса;
 Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ Царь:
 Все жерешь пакъ, какъ солону пожаръ.

Кшожь на ея плюешь оспрую спаль?

Топъ, чія совѣспъ какъ чешый хрусталь!

Теперь, для показанія того, какъ скоро и какъ искусно измѣняющся народомъ сочиненія, любезныя памяти его, перепису эпу самую пѣсню изъ своего собранія народныхъ Украинскихъ пѣсень. Мимоходомъ замѣчу:— Если эша пѣсня, въ продолженіи какихъ нибудь пятидесяти лѣтъ успѣла перемѣниться, ошойши ошъ своего первоначальнаго вида, шо чпо подумаешь о пѣхъ народныхъ стихотвореніяхъ, кои сложены за три или чешыре вѣка до нашего времени? А

I.

Всякому городу правъ и права; XX

Всяка имъешь свой умъ голова; X

Всякому сердцу своя естъ любовь; X

Всякому люду свой вкусъ хошь каковъ. X

А мнѣ — и проч.

II.

Тотъ непрестанно сплужаетъ грунпа; X

Сей со всѣхъ націй заводитъ скопа; X

Ты дома строишь на новый манерь; X

Деньги съ проценту — пожалуй повѣрь. X

А мнѣ — и проч.

III.

Петръ для чиновъ углы паньскіи преть; X

Федька купецъ при аршинѣ все лжеть. X

Крушитъ на свой ладь приказный права. X

Съ диспушь Спуденту терщишь голова. X

А мнѣ — и проч.

IV.

Тотъ на картинахъ малюеть собакъ; X

Въ шлѣхъ опъ гостей домъ шумитъ, какъ кабакъ; X

Сихъ безпокоитъ невѣрный Гамуръ. X

Всякую голову мучитъ свой дуръ. X

А мнѣ — и проч.

V.

(5) ~~Вот~~
 Тотъ на прекрасной женился женѣ ;
 Въ тѣхъ дома блещуть, вгущрь такъ, какъ и въ ;
 Тѣ шестернями на бенкетъ лепяшъ ;
 Въ сѣхъ для гостей чай и пушци кипяшъ.
 А мнѣ — и проч.

VI.

(6) ~~Она~~
 Тотъ иностранныхъ себѣ лошадей ,
 Сей накупилъ драгоценныхъ парчей ;
 Въ тѣхъ миллионы ревушъ въ сундукахъ ;
 Въ тѣхъ горчашъ тысячи въ шемныхъ углахъ.
 А мнѣ — и проч.

VII.

(7) ~~Молитва~~
 Попъ ко всенощной до церкви неидеть.
 Онъ и безъ церкви всенощну найдетъ.
 Черный съ рогами бѣжишъ какъ мяшель ,
 Пхнулъ его за запонъ въ бѣлу постель.
 А мнѣ — и проч.

VIII.

(8) ~~Вот~~
 Тотъ у въ перинѣ по уши нурвуль ,
 Какъ послѣ маковки вшившись заснулъ.
 Съ теплыхъ перинъ не вспаешъ до повднн.
 У церкву пойдши ему - що есть бриднн.
 А мнѣ — и проч.

IX.

Убо Кашаго Старица Сива Борода
 Сива въ шого старика борода,

Мокра бываешь какъ чопъ завсегда.

Чопъ мнѣ не диво — въ барилъ спремнть,

Развѣ жъ и онъ все надъ чопомъ лежишь,

А мнѣ — и проч.

X.

Намъ судья дѣлаешь испинный судъ,

А въ его испинѣ жи цѣлый пудъ.

Онъ и на нищихъ раздалъ сто рублей,

Что надралъ съ подданныхъ бѣдныхъ людей.

А мнѣ — и проч.

XI.

Онъ какъ забрался на ту бѣдну честь,

Черезъ свои поклоны, дары и дѣнь,

Удругъ издѣлался гордъ и спѣсивъ,

Сильно, пріятельно сребролюбивъ.

А мнѣ — и проч.

XII.

Честь, благородство за въиромъ лепишь;

Трупъ же смердящій смерть въ яму пащишь;

Все остаеися его при двору,

Тѣло несущъ на Холодуу Гору.

А мнѣ — и проч.

XIII.

Карпники съ рогоу кишки ирвуть ;
 Пѣвчи спѣваючи горло деруть ;
 Шляхничъ за гоноръ и уха лишивсь,
 Швець съ копылами пьючи разгубивсь.

А мнѣ — и проч.

XIV.

2) Ткачь кричишь горе, шеперь я пропавь !
 Хпось мои цевки и берды покравь.
 Плачущися горько ^{мне} наибольшее съ пожарь :
 Бондарь, кравецъ, маляръ, плотникъ и скляръ.
 А мнѣ — и проч.

XV.

Смерти спрашна замашная коса !
 Ты не щадишь ни чий волоса.
 Ты не глядишь, де мужикъ, а де Царь !
 Все вси шакъ, какъ весною пожарь !
 А мнѣ — и проч.

XVI.

Тотъ плюешь на ея остроу спаль,
 У кого совѣсть, какъ чистый хрусталь !
 Охъ ! мнѣ одна полько въ свѣтъ дума,
 Мнѣ все одно полько нейдесть съ ума,
 Какъ бы умерши мнѣ не безъ ума.

Сія Пѣсня вмѣстѣ съ другими (всѣхъ числомъ 27) составляетъ *Садъ Божественныхъ пѣсней старца Г.Сковороды*. Каждая изъ нихъ извлечена изъ особеннаго зерна, ш. е. особеннаго текста съ. Писанія. Всѣ онѣ заключаютъ въ себѣ прекрасныя мысли, и если есть въ нихъ недоспашокъ, то конечно въ слогѣ и выраженіяхъ, слишкомъ рѣзкихъ и извипельныхъ. Но и въ семъ отношеніи, надобно брать во вниманіе время, когда жилъ и писалъ Сковорода, образъ воспишанія, какое получили онъ, понятіе того времени о изяществѣ слога и выраженій; наконецъ, что всего важнѣе, самый характеръ Сковороды; — и какъ не спросимъ ему того недоспашка, въ которомъ онъ не былъ воленъ! Сочиненіе сихъ пѣсень относится почти къ тому же самому времени, какъ и *Натальная дверь ко Христіанскому добронравію*. Тогда же, или не много позже, были сочинены имъ и *Басни*, игрушки воображенія, его недоспойныя. Изложеніе оныхъ очень посредственно. Хорошія нравоченія вспрѣчаются рѣдко.

Но за этими Пѣснями и Баснями послѣдовали такія сочиненія, въ коихъ вполне выказались и философія и дарованія Сковороды. Это были его разговоры, разсужденія, романическія сочиненія, каковы: *Лотова*

*Антографъ
Согласно*

жена, Мусеники во имя Христа, Грѣшники; симфоніи, на пр.: *Исповѣдь и Покаяніе, Путь къ вѣчности, Мракъ міра, Свѣтъ міра* и пр., и множество другихъ. Нельзя сказать безъ вниманія и его писемъ, гдѣ и образъ мыслей его и снранности характера видны лучше, нежели въ другихъ его сочиненіяхъ, хотя и онѣ написаны также темно, также мисшически, какъ и всѣ прочія сочиненія (*).

Послѣднее время жизни своей прожилъ Скворода въ деревнѣ у Помѣщика К — го. Небольшая *кѣмнатка*, окнами въ садъ, опдѣльная, уютная, была его послѣднимъ жилищемъ. Впрочемъ онъ бывалъ въ ней очень рѣдко: обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также спарикомъ, добрымъ, благочеспивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Скворода до смерти не переспавалъ любить жизнь уединенія.

(*) Здѣсь слѣдуютъ два письма Сквороды къ Священнику Бабаевского прихода Харьковскаго Уѣзда Іакову Правицкому. Но Издашель, по снранной орографіи, не нашель удобнымъ помѣстить здѣсь оныя. Должно замѣнить, что правописание или, правильнѣе сказать, *поставка литеръ въ письмѣ* у Сквороды опличалася шѣмъ ошъ приняшаго вообще правила, что онъ не упошребляль вовсе буквъ: ъ, ь; сокращалъ слова, пошавляя сверху шиплы; словошиплы и другія уменьшенныя буквы. *Изд.*

ненную и бродячую. — Вопь что рассказываюшь о его смерши.

Былъ прекрасный лѣпній день. Къ Помѣщику собралось много сосѣдей погулять и повеселишься; послушаешь Сквороду — было также въ предмѣсть. Его всѣ любили слушаешь. За обѣдомъ Скворода былъ необыкновенно весель и разговорчивъ, даже шушилъ, рассказывалъ про свое бывое, про свои странствія, испытанія. Изъ-за обѣда вспали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчьемъ. Скворода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. Долго ходилъ онъ по излучистымъ пропінкамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работающимъ мальчикамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искашь Сквороду и нашель подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило; послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу листьевъ. Скворода съ заступомъ въ рукѣ рылъ яму, узкую, длинную—могилу. — «Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты заняшь?» сказалъ хозяинъ, подошедши къ спарцу. — «Пора, другъ, кончить странствие,» отвѣчалъ Скворода: «и такъ всѣ волосы слешъли съ бѣдной головы ошь испязаній! Пора успокоиться.» — «И, братъ, пустое! Полно такъ шушилъ! Пойдемъ.» — «Иду; но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будешь моя послѣдняя хранина....» —

И пошли въ домъ ; но Скворода не надолго въ немъ оспался. Онъ ушелъ въ свою *кѣмнатку*, переодѣнулъ бѣлье, умылся, помолился Богу, и, подложивши подъ голову свипки своихъ сочиненій и сѣрую свипшу, легъ; сложивши на крестъ руки! Долго его ждали къ ужину, — Скворода не явился. На другой день упромъ къ чаю по же, къ обѣду по же. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату, чтобы разбудить; но, Скворода лежалъ уже холодный, окостенѣлый....

Представляя сіи опривки на судъ вашъ и чипашелей Альманаха вашего, я долженъ извиниться въ незначишельности оныхъ. Вы просили — я исполнилъ вашу просьбу какъ могъ. *Quid potui, feci.*

И. С. р. з. к.

Варваровка на Днѣпрѣ.

1855, Февр. 11.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Эта спашья, находясь въ числѣ прочихъ въ портфель матеріаловъ для *Утренней Звѣзды*, была разсмотрѣна Г. О. К. Ему я одолженъ и за превосходныя примѣчанія, которыя нынѣ къ ней приложены. Хотя вшорое изъ сихъ примѣчаній, обличая меня въ ошибку, могло послужить къ

поправленію текста; но, почитая поприще лише-
рапурное чуждымъ мѣлочныхъ расчешовъ, будучи
увѣренъ, что въ подобныхъ случаяхъ необходимо
болѣе, нежели гдѣ — *sum cuique tribuere*, я почелъ
за лучшее просто сознайся въ винѣ своей, — и,
ослава замѣчаніе въ его собственномъ видѣ, огра-
ничился въ свидѣтельствovanіи моей достодол-
жной благодарности замѣчашелю, почтившему
спашью мою споль леснымъ для меня вниманіемъ.

И. С. р. з. к.

Харьковъ

21 Мая 1853.

ДВѢ КАРТИНЫ.

Les hommes n'ont qu'un penchant décidé, c'est leur intérêt; s'il est attaché à la vertu, ils sont vertueux sans effort; que l'objet change, le disciple de la vertu devient l'esclave du vice, sans avoir changé de caractère: c'est avec les mêmes couleurs, qu'on peint la beauté et les monstres.

I.

Безмолвно подходили къ первой, изображавшей Невинность въ образѣ Периды; и долго смотрѣли, и прилежно всматривались, — и все въ ней плѣняло всякаго, и воспогрѣ и очарованіе были безмолвны.

Никто не умѣлъ, никто не могъ дать себѣ отчетъ въ величій и красотѣ картины. Будто кисель волшебника начерпала ее, будто волшебство разливала она вокругъ себя.

Творецъ ея споялъ поодаль, опершись плечемъ о мраморную колонну, наклонивши голову, — и никто не думалъ объ немъ,

нико не зналъ, нико не замѣчалъ его. Взоры Художника были мутны, неподвижны. Улыбка презрѣнія къ самому себѣ и любви возвышенной къ Художеству волновались на лицѣ его. Онъ дрожалъ, но вовсе не отъ боязни услышанъ невыгодный судъ о своемъ произведеніи. Нѣтъ! Зрители для него не существовали. Онъ не зналъ, не замѣчалъ ихъ, не думалъ объ нихъ. Онъ видѣлъ Невинность, — и съ него было слишкомъ довольно.

Прошелъ часъ. Зрители оспавались безмолвны, неподвижны, — и съ прежнимъ вниманіемъ, и съ прежнимъ благоговѣніемъ созерцали Невинность.

— Какъ долго! — воскликнулъ спарикъ, опходя отъ каршины, и спросилъ одного изъ Художниковъ, участвовавшихъ въ выставкѣ: — Скажите, почему это? — Они побѣждены, отвѣчалъ Художникъ, — и между тѣмъ шайная мука желанія побѣдишь снѣдаетъ ихъ. Едва ли имъ удастся. Впрочемъ — это-то и бѣда для Художника. Не удастся и ему. —

И. II.

Наконецъ объявили, что вынесена другая картина. Ударъ для всей толпы. Всѣ бросились опрометью къ новому предмету созерцанія.

Картина изображала Гордость въ образѣ Александра Македонскаго.

Прошла четверть часа, меньше четверти часа. Шопшь и восклицанія, похвалы и награды Художнику опозвались оповсюду. Начались шорги; начались споры. Всякій хотѣлъ оставить картину за собою, и никакъ не уступалъ. Живописецъ въ восторгѣ бѣгаетъ, суешится, кланяется, мѣняется привѣтствіями. Радостью блискаетъ лице его; радостью — бьется сердце. Онъ — въ восторгѣ, а картина?

На нее уже никакъ не обращаютъ вниманія. Ее уже осмотрѣли, оцѣнили. Достоинство ея взвѣсили. —

— Какъ скоро! — воскликнулъ шопшь же самый спарикъ, подходя къ оставленной картинѣ. — Скажите: почему? — спросилъ онъ того же Художника.

И вопшь что Художникъ отвѣчалъ ему:

— Люди любятъ людей, а не ангеловъ. Люди любятъ недоспашки съ добродѣтелями,

а не добродѣтели безъ недоспащковъ. Я швердиль эпо другу своему, Симеону, написавшему Невинность, но онъ не понималъ меня, и, что всего страннѣе, не поймешь красоты звона червонцевъ въ укладиспомъ карманѣ своего соперника.

Что не угадаетъ конца? —

Творецъ Невинности оспался при своей Невинности.

Творецъ Гордости перессорилъ за свою Гордость всю знать между собою, и за свою же Гордость и опъ же получилъ 500 червонцевъ.

БРЕДИТЬ.

The song comes, with its music, to melt and please the soul. It is like soft mist, that rising from a lake, pours on the silent vale; the green flowers are filled, with dew, but the sun returns in his strength, and the mist is gone.

OSSIAN.

Робко вошелъ я въ обширный залъ. Ты-
сличи лампъ, сонни людей поразили меня:
однѣ своимъ блескомъ, другіе своимъ убран-
ствомъ и гордосцію. И все пакъ смрадно,
пакъ не спройно. — Хаосъ.

Наконецъ — прислушиваюсь.... До меня до-
лешьли звуки божественнаго Гайдена. Кто-то
игралъ его адажію и напѣвалъ подъ эту не-
земную гармонию звуковъ величественныя
спрофы Оды: *Боеѣ*. Торжественно Поэзіи!

Въ моемъ воображеніи неволью предспа-
вилась картина сотворенія Мира, и какъ
ужасно было броженіе Хаоса, и какъ вели-
чественно Духъ Божій пронесся сквозь мракъ

оного, и какъ могущественно въ благомъ полетѣ своемъ разсѣваль, разлагаль, успроиваль вѣчно волновавшійся доломъ Хаоса міра, и какъ міръ спановился гармоніей....

Но божественная пѣснь не пронула хладнокровныхъ. Душа ихъ давно преобразилась въ камень, — и никакой буласть не въ состояніи вырубишь изъ него ни малѣйшей искры сочувствія. Душа ихъ — камень и камень далеко опброшенный опъ своего русла, камень безжизненный! Поняшіе о блаженствѣ жизни для нихъ ушрачено.

Одни кричали, махая благованными плашками: «божественно! божественно!» Но это были ледяные звуки, а не безсмертные слова! Драгоценныя благовошія, кошорыя разсѣвали они по воздуху, были для нихъ дороже музыки. Можно было сказаць, что слова ихъ къ нимъ относились.

— «Дарованіе неподражаемое! Успѣхи невѣроятныя!» — восклицали другіе. Они удивлялись тому, что юная дѣвица такъ скоро выучилась со всей ловкостью выдѣлывать прудные пассажи, и не могли замѣнить, какъ человекъ могъ изобрѣсть, распредѣлить и слить въ одно величественное цѣлое такіе звуки, такіе мысли, — не могли или не хотѣли понять этихъ звуковъ, этихъ мыслей.

Я продрался сквозь толпу и увидѣлъ предметъ общаго разговора и удивленія — Пѣвицу. Довольно! Земной человѣкъ поржешивуешь!

Но сердце мое забилося. Не подумайте, друзья, о чемъ либо чувственномъ, каково бы оно ни было. Чувство не могло такъ сильно меня пронуть, такъ быстро наполнишь собою мое сердце. Я жалѣлъ....

За чѣмъ человѣкъ въ существѣ своемъ имѣеть такъ много плѣснаго, такъ плѣсно думаешь, такъ плѣсно восхищаешься высокимъ, прекраснымъ! Для чего бы не имѣть ему понятія о невинности, любви, поэзіи, болѣе духовнаго, болѣе божественнаго! Уже ли подобныя понятія не могли бы проявляться не столь чувственно!

Правда. Глаза дѣвицы — лазурь небесная. Блескъ ихъ — блескъ солнца полуденнаго. Румянецъ горитъ невинностию зари утренней. Улыбка ея очаровательна, какъ разсвѣтъ свѣтлозарной весны. Но взгляните на нее еще разъ, — и вы увидите, что она не болѣе, какъ темное, нескладное, безжизненное преданіе....

И ее слушаютъ не болѣе, какъ преданіе; слушаютъ только для того, чтобы не слы-

щась : преданіе слишкомъ незанимательно ; слушающъ — изъ снисхожденія.

Я помню , и не могу забыть слова одного изъ наперсниковъ Духа Вселенной (Плафона) : музыка — даръ Божій , но не для того только ниспосланъ онъ къ людямъ , чпобъ изнѣживашъ безсмысленныя чувства ихъ . Частно душа борется сама съ собою , и смуты свирѣпствуютъ въ оной , и чувствительность овладѣваетъ ею . Обезсиливъ чувства , возпановивъ власть души надъ самимъ собой и надъ чувствами — вопль высшее предопредѣленіе Музыки . »

Такъ думалъ онъ ; такъ думали , можешь быть , и давно , и не такъ давно , и даже шеперь ; но какъ не много такихъ , кои захошѣли бы такъ думать ! Другое время , другія нравы , другія понятія .

Помните ли чпо писалъ одинъ Художникъ къ опцу своему ?

« Какими райскими часами наслаждался я , еще бывши юношей , въ большой залѣ концерша ! Когда тихо и незамѣнно сидѣлъ я въ углу , очарованный великолѣпьемъ и поржесшвомъ собранія , какъ пламенно желало сердце мое , чпобы нѣ же самые слушатели собрались нѣкогда внимашъ моимъ швореніямъ и

мнѣ довѣрили мои чувства! И нынѣ часто сижу я въ той же залѣ и свои уже произведенія разыгрываю; но на сердцѣ у меня не то, что было прежде. Удивляюсь, какъ могъ я воображать, что въ это сборище, горящее своимъ золотомъ и богатствомъ одежды, съѣзжалось для того, что въ наслаждаться искусствомъ, воспалять свое сердце и всѣми чувствами жертвовать Художнику? — Если сии же самыя души, подъ сводами величественнаго храма, на священныхъ празднествахъ, въ то время, когда все высокое въ Религiи и прекрасное въ Искусствѣ согласною силою на нихъ дѣйствуютъ, если и тогда онѣ холодны какъ ледъ, то имъ ли воспаляться въ залѣ концерта? — Нѣтъ, прошла пора искусства и вкусъ къ изящному вышелъ изъ моды, онъ не приличенъ обыкновеніямъ свѣтскимъ: наслаждаться произведеніемъ художественнымъ было бы такъ же смѣшно и странно, какъ спихами говорить въ томъ обществѣ, гдѣ для всѣхъ необходимостей жизни достаточно одной разсчетливой и для всѣхъ понятной прозы....»

А почему? — Художество перестало быть художествомъ, — и спало на равнѣ съ ремесломъ. Въ настоящее просвѣщенное время не мудрено отыскать гениевъ и между сполырами, и между поршными, какъ находятъ

между архипекпорами, и п. п. Механизмъ художества поняшь, разложенъ; искусство стало наукой; воображеніе смѣнилось соображеніемъ; идеи подчинились приличію, модѣ; геніальность изсохла въ оригинальность; умъ довѣрилъ глазамъ и слуху; израненное сердце бьется будто по нуждѣ, его повѣряюшь маляпникомъ. Не мудрено, что число геніевъ увеличилось. Поэтовъ, Живописцевъ, Музыкантовъ безъ дарованій шеперь гораздо меньше, нежели Поэтовъ, Живописцевъ, Музыкантовъ съ дарованіями.

Кто скажетъ, чтобы Россіинъ былъ не геній? Гдѣ его не хвалять? Его не лзя не хвалять, чтобы не показать ничтожества своихъ познаній; а кто захочетъ этимъ похвалиться? Глупъ, кто не находитъ великаго генія въ Россіини, Валперъ - Скопшъ, Бальзакъ, даже Юлія Жаненъ, — и, если хопише, въ книгопродавцѣ Ладвока, издатель Книги спо одного.....

Кто не желаетъ, кто не имѣетъ нынѣ надежды не только прослыть, но даже и быть геніемъ?...

Гдѣ всего чаще швердятъ о богатствѣ? въ хижинѣ бѣдняковъ. — Такъ и съ геніями. —

Алмазъ полирующъ алмазною же пылью. — Алмазъ и пѣсухъ; — пѣсухъ и шшено; —

пшено и поденщикъ; — поденщикъ и геній; — геній и алмазь.... Къ чему распространяться? —

Далье и далье, — и я замечался. Звуки подкрѣпляли мечпы мои.

Наконецъ они спихли. Мечпы мои прервались. Я подошелъ къ Пѣвицѣ, поблагодарилъ ее за ея же собсшвенное искусство, пересказалъ ей свои мечпы, можешъ бышь, и нескладно, по крайней мѣрѣ, съ жаромъ. Она меня спокойно выслушала, отвѣчала мнѣ одними ходячими привѣспшвіями. Наконецъ вспала. Мы распались. Она подошла къ брашу своему, — и я услышалъ на ухо ему сказанное слово: *Бредитѣ!* — Правда! По крайней мѣрѣ, я желалъ бы, чпобъ эшо было правда.

С.

